

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**ЖИ
РЫ**

представляют
увлекательную серию
Анастасии Логиновой
«Детективъ минувших лет»

Анастасия Логинова живет на Урале,
по образованию юрист, но сколько себя
помнит, сочиняла истории. Любимый
жанр – исторические детективы
с романтической линией. Хобби –
дизайн обложек для сетевых авторов.

Анастасия очень любит птиц
и разводит волнистых попугайчиков.
Имеет большое собрание
коллекционных кукол.

КНИГИ АНАСТАСИИ ЛОГИНОВОЙ

Цикл «Лидия Тальянова. Записки барышни»

«Загадка для благородной девицы»

«Гувернантка с секретом»

«Незнакомка с родинкой на щеке»

«Тайны мадам Дюбуа»

Цикл «Кошкин. Сыщик Российской империи»

«Слезы Черной вдовы»

«След Белой ведьмы»

Цикл «Мир Ордэне»

«Алмазная пыль»

АНАСТАСИЯ
ЛОГИНОВА

АЛМАЗНАЯ
ПЫЛЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л69

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Иллюстрация на обложке — *Ольга Русанова*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Логинова, Анастасия.

Л69 Алмазная пыль : [роман] / Анастасия Логинова. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Детективъ минувших лет).

ISBN 978-5-17-147817-9

В 1913 году в Петербурге живет маленькая Надя, которую изводят монстры, видимые только ей. Никто девочке не верит, особенно родной отец — он держит дочь взаперти и никого к ней не пускает, кроме гувернантки.

А в 2018 году в Петербурге живет Марго. В ее жизни только одна страсть — старинные куклы, на которых она тратит большую часть зарплаты. Покупка одной из них и стала фатальной...

Марго перенеслась в прошлое, где ей предстоит помочь Наде и разгадать тайну ее семьи.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147817-9

© А. Логинова, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Алмазная пыль — атмосферное явление: твердые осадки в виде мельчайших ледяных кристаллов, парящих в воздухе. Образуются в морозную погоду при ясном небе, поэтому ее иногда называют также «осадками ясного неба».

Википедия

Самой страшной казнью на Востоке была чашка кофе с алмазной пылью. Считалось, что это даже делало кофе особенно вкусным. В течение дня почти невесомые алмазы наносили тысячи мельчайших порезов на стенки кишечника и пищевода несчастной жертвы. Через неделю обреченный умирал от внутреннего кровотечения и перитонита.

Восточная легенда

Глава 1

ДОРОТЕЯ

Я сразу поняла, что эта кукла особенная. Дело даже не в том, что у нее настоящие человеческие волосы: в XIX веке часто делали прически кукол именно из волос живых людей, и в моей коллекции уже была одна такая. Но эта совершенно на нее не похожа. Наверное, глаза ее меня заворожили: огромные, стеклянные, густо-синего цвета, с тончайшими золотыми прожилками на радужке. Они были отлиты с таким поразительным мастерством, что создавалось впечатление, будто кукла смотрела на меня все то время, пока мы с продавцом сговаривались о цене.

Продавец, кстати, мне не понравился. Мы встретились в магдачной на Лиговке, и он с аппетитом уплетал

бургер, когда я вошла, а после едва промокнул руки салфеткой, прежде чем подать мне куклу девятнадцатого (!!!) века в оригинальном, как он утверждал, аутфите!¹ Назвался Яковом, и то как-то неуверенно. Имя наверняка выдумал. А уж когда озвучил цену, совершенно мизерную для оригинала, я поняла: мошенник. И кукла его — новодел «под старину».

Но потом я взяла на руки увесистое тряпичное тельце и увидела, как склонилась набок фарфоровая головка — будто живая. И только теперь отметила, что волосы ее почти такого же сумасшедшего медного оттенка, как мои собственные. Эта кукла должна быть моей. Черт с ним, что поддельная, за такую цену переживу.

А Яков этот вообще странный тип: ему будто было наплевать и на куклу, и на сделку, и даже на эсэмэску об оплате, что упала ему на телефон. Жрал свой бургер и нахваливал, как с голодного края сбежал.

Жаль, что это меня не насторожило.

— Марго! — крикнул он вдогонку, когда я, бережно держа куклу, уже вышла на парковку. — Вы не удаляйте пока мой номер. Может, пригодится еще.

— Сдался ты мне сто лет... — буркнула я под нос и даже головы не повернула.

Домой я вернулась к ночи, а весь день моталась по рабочим делам: куклы — это хобби, на которое я трачу все свободные деньги, а на хлеб вообще-то зарабатываю веб-дизайном.

Что касается моей жизни, то вышла она самой обыкновенной, даже внимания заострить не на чем. Родилась двадцать семь лет назад в Магнитогорске, городок такой

¹ От *англ.* outfit — снаряжение, экипировка; обобщающее название наряда, туалета, ансамбля одежды и аксессуаров, в данном случае кукольного. (Здесь и далее *прим. авт.*)

есть на Урале; была старшей из трех сестер и, сколько себя помню, нянчилась с малышкой. С тех пор бегу по-дальше, едва заслышав детский плач. Привычка. Единственной отдушиной тогда было шитье на кукол — тех самых подделок под «Барби» с дутым телом и волосами-мочалкой, все девчонки девяностых с такими играли. А я не столько играла, сколько рисовала наряды, а после по этим эскизам обшивала своих кукол с головы до ног: мечтала стать модельером, как вырасту. Родители в этом углядели великий талант к рисованию и отдали меня в художественную школу.

В семнадцать, едва получив аттестат, я сбежала из своего Магнитогорска, на бюджет поступила в Санкт-Петербургский вуз. Модельером я, конечно, не стала, но отчасти моя профессия и правда связана с искусством. Мой последний проект — рекламу стеклопакетов — заказчик назвал офигительным. Это успех. Определенно.

В двадцать три я ненадолго сходила замуж, а сейчас свободна и независима, и вместо сорока кошек у меня сорок кукол. Ну хорошо, не сорок. Семьдесят две ровно. Большая часть из них — это коллекционные Барби, Монстер Хай и кастомные Блайз, с десятков гэдээровских красавиц тридцатых — шестидесятых годов, разномастные авторские куколочки и несколько особенно редких экземпляров рубежа XIX–XX веков. У каждой из них есть имя, история, место на полке в застекленных шкафах из «Икеи» и как минимум четыре сменных аутфита, сшитых мной собственноручно.

Доротея стала семьдесят третьей.

Телефон Якова я удалила тем же вечером, пока доедала заказанные на дом роллы; тогда же созвонилась со своим старым проверенным оценщиком, чтобы наверняка выяснить происхождение новой куклы. Договорились на понедельник, а пока что, помыв посуду и по-

чистив зубы, я пристроила Доротею в кресле напротив кровати — а найти для нее место в шкафу решила завтра, после того, как при дневном свете изучу все плюсы и минусы своего приобретения.

Не тут-то было.

Я проснулась оттого, что с меня стаскивали одеяло. За окном заканчивался октябрь, и не могу сказать, что в комнате было особенно жарко. Потому замерзла я быстро и с неудовольствием поежилась. Пошарила рукой и нашла край одеяла уже в ногах. Дернула — и сразу поняла, что оно за что-то зацепилось. Дернула второй раз — и услышала грохот, от которого сон улетучился мгновенно, а сама я тотчас оказалась на ногах, минуя все прочие стадии.

На часах светились в ночи красные цифры: «03:11».

Даже в темноте я разглядела, что тонкое пестрое одеяло как-то странно намотано на ручку новой куклы... Которая вовсе уже не сидела в кресле, а, упав навзничь, валялась на полу возле моей кровати.

— Чертовщина... — пробормотала я.

А потом сама себя уговорила, что кукла просто упала. Наверное, усадила я ее неустойчиво — вот она и свалилась, да еще и одеяло мое зацепила при этом. Да. Не спрыгнула же она с кресла и не подошла ко мне сама на своих маленьких кукольных ножках?..

Полминуты я себя в этом убеждала — и наконец убедилась. Сделала робкий шаг. Медленно-медленно, готовая ко всему на свете, подняла Доротею с пола. Ничего не произошло. Синие с золотыми искрами глаза невозмутимо смотрели поверх моего плеча. Кукла как кукла. Я осторожно пригладила ее растрепавшиеся рыжие кудри и цокнула языком, отругав сама себя. Головка ведь фарфоровая: запросто могла разбиться! И это стало последней моей здоровой мыслью, потому что в следую-

щий миг Доротея скосила свои стеклянные глаза на мое лицо. И тут же вернула их на место.

Самое забавное — я тогда даже не шелохнулась. Тупо смотрела на фарфоровое личико и гадала, сделает ли она глазами так еще раз? Сделала. А потом приоткрыла карминово-красные губки, будто хотела что-то сказать. Только я не услышала.

Дико вскрикнув — так, что, наверное, меня услышала мама в Магнитогорске, — я отбросила куклу в сторону. Опять, минуя промежуточные стадии, оказалась с ногами на кровати. Как щитом отгородилась своим пестрым одеялом и первым делом потянулась к мобильнику. Кого вызывать? Полицию? «Скорую»? Или сразу психушку? Так и не решив, я попятилась. Хорошо помнила, что входная дверь из съемной квартиры-студии за моей спиной — каких-то десять шагов. Лишь бы дьявольское создание не бросилось на меня прежде.

А она могла.. я собственными глазами видела, как кукла перегнулась пополам своим тряпичным тельцем и села на ворсистом ковре. Медленно, будто через силу, так, что в тишине я слышала хруст фарфора, повернула голову. Снова разомкнула карминовые губки.

— Маргарита... — позвала она тоненьким, обманчиво-детским голоском. — Ты должна отнести меня к девочке, Маргарита. И не вздумай больше орать, как дура. Маргарита!

Нарисованные брови хмурились: кукла была мной недовольна.

Наверное, у меня больше не осталось сил, только поэтому я не заорала снова. Лишь швырнула в нее пестрое одеяло, а мобильник, увесистый айфон в корпусе с алюминевой рамкой, решила оставить, чтоб было чем отбиваться в самом крайнем случае. И в какой-то момент даже подумала, что он не наступит, этот крайний слу-

чай — лопатки мои прижались к двери. И я, не медля больше ни секунды, повернула ручку да бочком-бочком выбралась вон...

Захлопнула дверь за собой и снова попятилась, пока не приросла спиной к новой стенке, и только здесь наконец перевела дух.

Что это было? Я запоздало ущипнула себя за руку и лишний раз убедилась, что не сплю. И еще я успела пожалеть, что хотя бы джинсы не догадалась захватить или тапочки: холодно. Да и глупо стоять на лестничной площадке босиком, в пижамных шортах да майке-тельняшке. Разумеется, как только я это обнаружила — услышала чужие шаги. А через миг на меня едва не налетела незнакомая тетка. Не соседка. Ну точно не соседка — одета она была черт-те во что: в темно-коричневое глухое платье и нелепый белый фартук с кружевами. А в руках держала подсвечник, самый настоящий, бронзовый, что ли... Что самое забавное, смотрела она на меня так, будто это я сбежала с костюмированной вечеринки, а не она. А потом девица задала вопрос, на который я в самом деле не нашлась что ответить:

— Ты откуда взялась?

«Это ты откуда взялась?!» — собиралась уж парировать я — но отвлеклась.

Только сейчас я осознала, что помещение это не очень-то похоже на лестничную клетку в нашем доме. Вместо оштукатуренных стен с накорябанной надписью: «Анжела — дура» — обои в безвкусный цветочек. Вместо яркого электрического освещения — глухая тьма, которую лишь слегка разбавлял свет от восковой свечи в руках женщины.

На месте же стальной двери моей съемной студии теперь была ярко-белая солидная деревянная дверь с зо-

лоченой резьбой и шарообразной ручкой. «КГ» — было выгравировано на той ручке. Я ни о чем не думала тогда, просто повернула ее и толкнула дверь внутрь.

Это оказалась уже не родная квартира-студия. Это было место, которое я никогда прежде не видела. Здесь даже пахло иначе. И первое, что я сумела выхватить взглядом, — дьявольская Доротея, как ни в чем не бывало сидящая на узкой, гладко заправленной кровати. Она улыбалась и, чуть наклонив фарфоровую головку, требовательно смотрела мне в глаза.

Все-таки нужно было вызывать психушку. Или еще не поздно? Айфон я по-прежнему крепко прижимала к груди обеими руками.

— Так это же барышнина кукла! — воскликнула за спиной тетка в фартуке. Вбежала внутрь и неделикатно сунула Доротею себе под мышку. — Так вы гувернантка, что ли, новая?! Так и сказали б сразу — а мы куклу эту уж ищем-ищем по всему дому... Идемте! Да накиньте на себя что-нить, а то стыдоба.

— Чего?.. — только и сумела переспросить я.

А женщина всплеснула руками. Принялась ворчать себе под нос и, покрутившись в темноте, нашла какой-то балахон снова в дурацкий цветочек — еще более нелепый наряд, чем ее фартук. Но сил сопротивляться у меня не было, и она через голову накинула это одеяние на меня.

— Чего... — передразнила женщина. — Рубашку, говорю, хоть накиньте. Вы русская, что ль?

Да я-то русская. А вот она говорила странно, как будто с акцентом. Но слышала я ее словно через слой ваты. И все пыталась решить, что мне делать. Позвонить в полицию? Бежать подальше из этого дурдома? Или все-таки подождать, когда все прояснится хоть чуть-чуть? Еще теплилась у меня надежда, что это все-таки сон.

Ну или чей-то дурацкий розыгрыш: мой бывший муж как раз отличался чувством юмора, не имеющим никаких границ. Лишь поэтому я и позволила провести себя через темный ночной коридор к некоей барышне.

А барышней оказалась самая настоящая девчонка лет девяти. Худенькая, с огромными голубыми глазами и копной светлых подвитых волос. Она сжалась в комок на огромной кровати с тюлевым балдахином, обняла себя за колени и, озираясь, хныкала:

— Пусть уйдут... скажите им, пусть уйдут...

Она говорила это не нам.

Девочка, как затравленный зверек, смотрела в пустые углы своей спальни и велела «им» уйти. Это совсем не было похоже на игру или розыгрыш. Это было похоже на что-то, от чего у меня по позвоночнику пробежал вихрь мурашек, а женщина в фартуке, неловко мявшаяся у порога, начала вдруг размашисто креститься.

— Я пойду, мне там надо... а вы уж сами управитесь... — проблеяла она и неловко сунула куклу мне в руки, прежде чем сбежать.

— Доротея! — Тут же воскликнула девчонка и так неподдельно обрадовалась, что мне ничего не оставалось, как отдать ей эту куклу. — Доротея, милая моя, как же я рада, что ты нашлась!

Хотя бы про «них» она как будто забыла.

Я с надеждой оглянулась на дверь, но женщины в фартуке уже и след простыл.

Девочка обнимала мою куклу крепко, жалась к ней, как к единственной защите, а плечи ее мелко дрожали. Она обнимала ее и продолжала плакать. Как-то совершенно не по-детски плакать. Я всегда только морщилась при виде капризничающих детей и торопилась уйти подальше, а тут... это ведь не просто капризы. Не какая-то некупленная игрушка и не запрет на сладости. Что же

за горе такое случилось у этой розовощекой красивой девочки, одетой в шелк и кружева?

— Не плачь, — неловко попросила я и села к ней на кровать. — Ну хочешь, я оставлю Доротею тебе? Хочешь?

Девочка еще раз всхлипнула и впервые подняла заплаканное личико на меня. Глаза у нее были такие же, как и слезы, — недетские. Вместо ответа она мелко закивала, а вслух громким шепотом произнесла:

— Они здесь. Они смотрят на меня. Прогоните их... пожалуйста, прогоните...

И, ахнув, подняла глаза точно поверх моей головы.

— Они... здесь? — слотнув, переспросила я. — За моей спиной?

Она медленно кивнула, не опуская взгляда.

Моей спины тогда и правда коснулось что-то холодное — я не видела, но готова была в этом поклясться. А волосы у висков шелохнулись от ледяного дыхания...

Не знаю, где я набралась смелости, но все-таки обернулась.

Никого.

Прошлась взглядом по ночным стенам, затянутым розовым переливчатым шелком. Ощупала глазами огромное золоченое бра на стене с пятью торчащими из него свечами. Нет, все-таки не свечами — светильниками, стилизованными под свечи. Хотя где-то в конце XIX века, если мне не изменяет память, как раз уже начали пользоваться светильниками — газовыми, а может, и электрическими, не помню.

Было здесь много всего, но одного не было точно. Никаких загадочных «их», которые якобы дышали мне в затылок. Даже в самых темных углах пусто.

— Здесь нет никого, — с сомнением сказала я тогда.

А девочка по-взрослому упрямо качнула головой:

— Они здесь. И они смотрят.

— И пускай смотрят, — вдруг нашлась я. — Тронуть тебя они все равно не посмеют. А если и посмеют, то я их прогоню.

Она снова качнула головой:

— Ты не сможешь. Никто не сможет. Даже когда батюшка Гавриил приходил, то они ушли лишь ненадолго, а потом вернулись.

— Я сказала смогу — значит, смогу!

Вообще-то у меня кровь стыла от таких разговоров, но я изо всех сил старалась, чтобы голос не дрожал.

Чтобы девочка поверила, я даже поближе подтащила кресло, оказавшееся невероятно удобным, и забралась в него с ногами в полной готовности защищаться от неведомых «них». Я смирилась. Решила, что дождусь, пока девчонка уснет, найду кого-нибудь и выясню, что за чертовщина здесь творится.

Не вышло. Кресло было слишком удобным: не знаю, как девочка, но я пригrelась и уснула очень быстро.

А проснулась оттого, что утреннее солнце загородила от меня чья-то фигура. Я поморщилась во сне. Фигура угрожающе кашлянула, и пришлось открыть глаза. Нет, все-таки это был не сон. А если розыгрыш, то он уже порядком затянулся и начал меня утомлять.

— Новая гувернантка, я полагаю? — спросила фигура низким женским голосом. — Кто вас нанял? Господин фон Гирс?

Дальше я уже не слышала.

— Хватит! — рявкнула я, поднявшись во весь рост. — Это вас кто нанял? Прекратите этот цирк! Хоть бы ребенка постыдились втягивать!

Женщина была примерно моих лет: высокая фигуристая шатенка с гладко зачесанными волосами и в черном строгом платье, отлично, надо сказать, стилизован-

ном под начало XX века. Пожалуй, это даже настоящий шелк. Да и актрисой она оказалась отменной, профессионалка, наверное. И все же, после того как я приперла ее к стенке, продолжать было бессмысленно, и с полминуты женщина не знала, что и сказать. Глупо хватала ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. Вот-вот она должна была сдаться — жалко улыбнуться и сказать: «Сюрприз!» Ну или что-то в этом роде.

Только она этого не сделала.

Лицо незнакомки вдруг исказилось злобной гримасой, а по щекам пошли красные пятна. Она сжала кулачки и аж затряслась, перед тем как рывкнуть так, что ее голос эхом вознесся к расписному потолку:

— Вон! Немедленно убирайтесь вон!

— Дурдом какой-то... — прокомментировала я.

С жалостью поглядела на свою куклу, которую прижимала к себе давно проснувшаяся девочка. Но не отбирать же у ребенка? Я отчаянно махнула рукой и, как была, босиком и в дурацкой ночной рубашке, больше похожей на парашют, бросилась к дверям.

Была я тогда уже в нешуточной панике: блестящий отполированный паркет, мрамор как во дворце, колонны, изящная музейная мебель, какой можно лишь любоваться, но не пользоваться. Я озиралась, придерживала свою рубашку, чтобы не споткнуться, и все бежала из комнаты в комнату, не зная, есть ли выход из этого ада...

А потом увидела лестницу. Огромную, с двумя поворотами, тоже мраморную, покрытую пушистым ковром. Внизу — просторный вестибюль со сводчатыми, украшенными росписью и лепниной потолками. Здесь я порядком растерялась, поскольку укрытая ковром дорожка расходилась аж на три стороны. Бросилась было туда, где по логике вещей должен быть выход, но дорогу